

В рамках многолетнего полевого обследования Усть-Цилемского Р-на Республики Коми, осуществляемого Сыктывкарским гос. университетом с середины 1980-х гг., летом 2009 г. фольклорно-археографическая экспедиция работала в с. Нерица на одноименной реке, притоке р. Печоры (руководитель экспедиции — Т.С. Канева, в составе участников — доцент Ю.Н. Ильина, директор библиотеки СыктГУ Е.В. Прокуратова, студенты-филологи 1-го курса).

Село Нерица, как и единственная из ближайших деревень Ильинка, переселенная в силу «неперспективности» в Нерицу в 1970-е гг., оказалась обойденным вниманием фольклористов: лишь в 1988 г. сюда была предпринята краткосрочная «разведывательная» поездка собирателей СыктГУ, в результате которой был получен небольшой объем записей. Между тем Нерица представляет собой значительный интерес для исследователей уже в силу своего территориального положения: находясь ближе других усть-цилемских поселений к Ижемскому р-ну с коренным коми населением, Нерица выступает как пограничье между русской (усть-цилемской) и коми-зырянской (ижемской), старообрядческой и православной культурами.

Работая по методу сплошного обследования, экспедиции удалось собрать довольно разнообразный материал. Это история нерицких поселений (с. Нерица, д. Ильинка), местные локально-групповые прозвища, народный календарь, история местного старообрядчества, промыслы, суеверные рассказы и др.

Пользуясь случаем, участники экспедиции выражают глубокую благодарность жителям Нерицы, поделившимся своими воспоминаниями.

Руководитель Центра фольклорных исследований СыктГУ,
канд. филол. наук Т.С. КАНЕВА

Материалы из с. Нерица см. на с. 27—29.

Село Нерица. Фото Т.С. Каневой

Пороховница из музея начальной школы-сада в с. Нерица. Фото Т.С. Каневой, обработка снимка Т.А. Безбатичновой

Андрей Федорович Бабиков со своей матерью Августой Иосифовной.
Фото Е.В. Прокуратовой

ЖИВАЯ СТАРИНА

2(74)2012

**Журнал о русском фольклоре
и традиционной культуре**

Учредитель и инициатор возобновления издания
Государственный республиканский центр русского фольклора

Основан в 1890 году
Возобновлен в 1994 году

Руководитель издательского проекта
A.C. Каргин

Главный редактор **O.B. Белова**

Редколлегия:

C.B. Алпатов

M.B. Ахметова (зам. главного редактора)

L.N. Виноградова

B.M. Гацак

N.YU. Данченкова

M.A. Енговатова

C.YU. Неклюдов

V.YA. Петрухин

I.A. Разумова

C.M. Толстая

A.V. Чернецов

Ответственный секретарь редакции

A.C. Подгаец

Научный редактор

O.B. Трефилова

Дизайн и верстка:

I.K. Дергунова, T.B. Бурцева

Обработка иллюстраций:

A.A. Зернов

Производство и реализация:

Э.Р. Жукова

Издание осуществлено при финансовой поддержке Министерства культуры Российской Федерации.

Адрес редакции: 119034,
Москва, Кропоткинский пер., 10
Тел.: (499) 246-0233, 245-2205
Факс: (499) 246-9323
E-mail: crf@inbox.ru

(с указанием: для «Живой старины»)

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации.
Свидетельство № 01827 от 30 ноября 1992 г.

Подписано в печать 23.04.2012. Формат 60×90 1/8.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 9,0.
Тираж 3000 экз. Заказ . Цена договорная

Отпечатано в типографии
ООО «Принт сервис групп»
105187, Москва, ул. Борисовская, д. 14

Рукописи не возвращаются. При перепечатке ссылка на журнал обязательна

© «Живая старина», 2012

На 1-й стр. обложки: Душа чистая.
Икона конца XVIII – начала XIX в. Из Старообрядческой коллекции Государственного музея истории религии (Санкт-Петербург)

На 4-й стр. обложки: Морское путешествие. Миниатюра из рукописного сборника начала XVIII в. Из собрания Государственного исторического музея (Москва)

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕСЕННЫЙ ФОЛЬКЛОР

T.C. Шенталинская. Красное и черное: цветовая игра в песенном тексте	2
B.K. Семибратьев. Вятские песни о купеческой дочери	4
M.A. Лобанов. Танцевальная баллада и военная тема	5
O.A. Пашина. Военные песни из семейного архива	8
M.B. Строганов. Исторические корни и исторические формы жестокого романса ..	10
E.B. Петренко. Жестокие романсы и индивидуальное творчество	13
M.D. Алексеевский. Городские песни из репертуара пудожской телефонистки	16
A.YU. Москвин. Шесть песен из блатного кармана	19

«РАССКАЗЫ О ЖИЗНИ»

Век Прасковы Андреевны. Публикация O.B. Беловой	22
Рассказы жительницы мордовского села.	
Публикация и примечания M.B. Сёминой	25
«В своих дедов словах мы не можем сомневаться, мы им верим».	
Предисловие и публикация Ю.Н. Ильиной, Т.С. Каневой	27

ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ МОЗАИКА

A.B. Коконова. Народные представления о душе (по материалам Архангельской области)	30
L.I. Иванова. Время и люди в биографических рассказах карельских сказителей 1930-х гг.	32
O.I. Чарина. Сюжеты фольклорных произведений в записях Д.И. Меликова	35

ЭКСПЕДИЦИИ

E.L. Березович. Топонимической экспедиции Уральского университета — 50 лет ..	39
E.D. Казакова. Вятчане глазами костромичей	41
B.C. Кучко. Мир семьи в лексике Поветлужья	44
O.B. Атрошенко, L.YU. Пугачева, N.A. Синица. Народный календарь Поветлужья ..	47
L.B. Хирьянова. Экспедиция к молоканам Центрально-Черноземного района ..	50
Ю.В. Ляхова. Из демонологии прибайкальских бурят	53

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

L.M. Белогурова. На подступах к Алтасу музыкальной культуры восточных славян ..	56
Ю.Е. Бойко. Музыкант в традиционной культуре	58
O.B. Белова. Продолжение серии «Традиционная художественная культура белорусов»	60
L.N. Виноградова. Формулы проклятий в составе застольных тостов	62
O.B. Трефилова. Новая литература по фольклору, этнографии, этнолингвистике ..	64

ПАМЯТИ УЧЕНЫХ

Валентин Владимирович Блажес	65
------------------------------------	----

НАУЧНАЯ ХРОНИКА

M.D. Алексеевский, C.H. Амосова. Международный конгресс этнологов и фольклористов	66
T.G. Иванова. Размышляя о «Рябининских чтениях—2011»	68
M.G. Матлин. Чтения «Мир народной песни»	71

«В СВОИХ ДЕДОВ СЛОВАХ МЫ НЕ МОЖЕМ СОМНЕВАТЬСЯ, МЫ ИМ ВЕРИМ»

Опыт работы почти в каждой из фольклорных экспедиций последних лет убеждает собирателей в том, что привычная «стратегия» работы преимущественно с людьми старшего поколения как наиболее приобщенными к традиционной народной культуре может быть пересмотрена. Степень сохранности памяти о старине тем или иным человеком зависит не только от его возраста, но и от характера и силы традиции его семьи, преемственности поколений.

Таким молодым, но оттого не менее компетентным в вопросах традиционной культуры человеком оказался житель с. Нерица Усть-Цилемского р-на Республики Коми¹ Андрей Федорович Бабиков, 1962 г.р., уроженец д. Ильинки.

Андрей Федорович — потомственный охотник, с детских лет он ходил в лес с дедом, к которому был очень привязан, и поэтому даже сейчас вспоминает о нем очень эмоционально. В то продолжительное время, которое мужчины проводили на охоте, дед учил внука этому промыслу и рассказывал о роде Бабиковых, об истории и обычаях родной деревни.

С большим интересом и вниманием Андрей Федорович относится к слову. Например, говоря о местной топографии, он таким образом пояснял название «Самоедский ручей»: «Самоеды-то, сами знаете, — сами едут. [...] Люди другие знают, что как бы они друг друга ели, а они не ели. Это же они на собаках ездили. [...] Конём нужно управлять, оленем также управлять, а собаками управлять не надо, они сами едут — и самоеды». Рассказывая об охотничьем промысле стариков, Андрей Федорович объяснял, почему одна из промысловых птиц — рябчик — так названа: «Этой дичи они ловили столько — по несколько конных возов. Это глухарь, пеструха [...] (будет это матка у глухаря-то), маракуша (это матка у косача), косач — тетерев, потом ряб, рябчик. И они это целыми обозами эту дичь везли в Архангельскую область, там, видите, в Архангельске герб города — рябчик. Оттуда купцы забирали эту дичь и везли куда-то в Россию, или за границу, или куда на кораблях, в зимний период, чтобы замёрзла она, не испортилась. [...] Корень

“ряб”, суффикс “чик” — за свой этот нарядный вид и озорной, нарядный вид назван. Pero “ряб” — рябое, [...] а сам “чик” — [...] за свой озорной вид». Он сожалел, например, о том, что не может до сих пор объяснить, почему его прадед назвал пожню Притчей: «А вот что такое притча, у вас собирался спросить. [...] Я везде узнавал, никак не узнал. Я даже знаю, что такое вертеп, всё знаю, но не знаю, что такое притча».

Все тексты, записанные от Андрея Федоровича в результате двух наших встреч (собиратели — Е.В. Прокуратова, Ю.Н. Ильина; записи хранятся в Фольклорном архиве СыктГУ, Усть-Цилемское собрание АФ 03298, 03300), можно разделить на следующие тематические блоки:

1) исторические и историко-биографические повествования об Ильинке и роде Бабиковых (о первопоселенце Илье, прадеде Алексее Исааковиче, деде Павле Алексеевиче и отце Федоре Павловиче);

2) рассказы о духовном наставнике Ильинки Зиновьеве (Зиновии) Никитиче Бабикове;

3) рассказы об обычаях и мировоззрении староверов;

4) суеверные рассказы (о нерицком «еретнике» Кипре, смерти «еретников», оберегах);

5) рассказы об охотничьем промысле (добывающем звере; городах, в которых торговали; ловушках; важных для охотников праздниках; условиях удачной охоты или рыбалки; опасных для охотников днях, например «рябиновых ночах»);

6) рассказы о календарных праздниках (Рождестве, Вербном воскресенье, Ивановом дне, Пасхе, Петровом дне).

Наиболее подробно (с развернутым сюжетом и многочисленными деталями) оказалась представлена «устная история» д. Ильинки, которая в изложении Андрея Федоровича выглядит как «история в лицах», тесно переплетенная с историей его семьи. В своем повествовании он, словно очевидец, живо представляет события прошлого, о которых только слышал от деда, и рассказывает о них с чувством гордости и одновременно печали. Именно эти рассказы легли в основу предлагаемой публикации.

ПЕРВОПОСЕЛЕНЦЫ ИЛЬИНКИ

«Сами они родом были с Мезени»

Сами они родом были с Мезени Когда там их начали притеснять на счет веры-то, они собрались и [...] по тайге деревни свои основали, чтоб молиться-то можно было. [Так это Бабиковы?] Бабиковы. Род наш Бабиковых [...] Они с Мезени. Ну, а в Мезень они попали из Новгорода, в Мезень. А оттуда их... Там стали притеснять — они в Мезень. В Мезени начали притеснять — они выехали по Нерице. [...] [Этс вам кто рассказывал?] Дед, деды. Они очень хорошо знали всё. [...] Как основана деревня, кто первый пришел туда. Пришел Илья, первый-то. [...] Жена, брат и младенец Проня. Принесли его. [...] Пришли в одних посكونных рубахах и с топорами только. И жена [...] его несла, Проню. Отсюда название «Пронина пожня». А почему? И угодья рода Прониных. Проня — этот ребёнок, младенцем которого принесли. Располагается [Пронина пожня] там недалеко от этой деревни большой [Ильинской]. [...] Пришли первоначально четверо с ребёнком. [...] Из рассказов: они построили избу. Вот именно... Мы-то думаем, что напротив деревни, якобы говорят, первая-то деревня была. [...] Несколько домов там или один-то еще дом. И случился большой пожар, и всё сгорело у них имущество-то. И они переехали за реку. А за рекой стоял большой урман, урман велик — это высокий тоже увал и поросший чёрным лесом, ельником. Они там стали рубить его, корчевать, и там деревня зародилась в основном. А первоначально вот именно выше деревни километра три [...] Пронина пожня. В честь Прокопия-то назвали эту пожню. И там была изба-то эта первая.

«БЛАГОЧЕСТИВЕЕ И ЛУЧШЕ ЛЮДИ БЫЛИ»

Кондратий Никитич Бабиков

Он, этот Кондратий Никитич, только для этого дела, чтобы люди на случай голода, [...] закупал [продукты]. Он был богат очень, ну, зажиточно жил. Его, кстати, как всех их, расстреляли. Он закупал до [...] ста кулей для такой маленькой деревни муки, чтобы на случай неурожая людям раздать и чтобы они не погибли от голода. [...]

Вот который это хлеба закупал (хлеб мы все растили на полях), он опять имел

мельницу там же, в Ильинке же, мельницу, двадцать голов крупного рогатого скота, быков, много лошадей. ...»

Вот которого Кондратия Никитича-то дом-то отняли, там сразу же школу сделали, и кто... кого он всю жизнь кормил да ихних детей, тот стал жить в евонном доме. Тот, который бедный человек-то. А мельницу разрушили, маслозавод разрушили, так у него ... ещё кожевенный завод был.

Иван Исакович Бабиков

В воскресенье они [староверы] никогда не работали, кроме по хозяйству, дома, обрядить скота да. Даже вот [когда] в лесу охотились. Брат деда-то, прадед это, прадед Иван, был там старшим ...». Так он, зная, что молодёжь будет всё равно охотиться, потому что день теряется целый: в день застреливал если охотник 30 белок, считался непромыслом, когда он добывал за день 60 белок — это был промысел. Так это, знаете, како, сколько зверя этого было тогда в лесах. И ён, отец, пишет: «Как на счастье было столько зверя». Эта белка была и чёрный, и белый хлеб для людей, для хороших охотников. ... Так вот он говорил-то, этот Иван-то Исакович. Он, чтоб молодёжь-то не ушли охотиться-то, он у них собак и ружья забирал-то потихоньку ночью или утром рано и в свой амбар замыкал и не давал имходить и работать — ничего не велел. И собак у них всех привязывал. [Они слушались?] Да, слушались. Он старший был в роду на том участке угодья.

[А шкурки беличьи сдавали?] А шкурки-то хорошо принимали купчины. Приезжали чердынцы, чердынски купцы. [Чердынцы?] Ага. С Чердыни. Они пушнину эту, конечно, сами возили куда-то в город. Видите, они торговы-то люди были, бывалы, они ездили. Они называли этот ваш Сыктывкар, называли Сысольск, ... сысольчи, а сыктывкарцы эти — сысольчи. И он этот брал пушнину, этот Кондратий-то Никитич, забирал-то у всех людей-то, охотников и увозил этим сысольским купчам и ... продавал там хорошо. Он торговал и знал цену истинну этих... пушнину, его никто не мог обмануть. И он так же честно платил. Они [местные охотники] только ему платили за то, что он увёз там и хорошо продал.

ПРАДЕД

«В сельских кузнях рождались неслыханные открытия»

А дед-то, надо сказать, этот, Алексей-то Исакович, был в ссылке на 25

лет. Знаете, из-за чего? Он так кузнецом был. Он грешным делом печатал монеты сам. Понимаете? По нынешним моим понятиям — фальшивомонетчик. Это знаете, какой срок? А в царско время ... либо ставили к стенке, либо на каторжные работы отправляли на 25 лет ... или навечно ... А он, деньги-то ведь он искусственно, золото получать уже тогда умел — неграмотный человек. Он червонцы эти царские — может, видали в музеях где-то? ... Червонец звали 10 рублей золотом. Он с двухкопеечную монету был всего лишь, этот червонец-то золотой. Он там добавлял как... С[ей]час химики получают это золото, а он тогда, неграмотный человек, сам дошёл дотуда, что это золото с оловом смешивал — часть золота, часть серебра, и удельный вес золота получался. Печатал, столь чётко и правильно чеканил эти деньги, что не могли ни одна купчина [догадаться]. Он говорит: «Я обманывал-то не честных людей, я обманывал купчишек подлых» ... [Он сам родом откуда был?] Тоже с Ильинки. ... Этую матрицу изготовил и так чётко печатал. А брак этот, который не получали, деньги-то, бросал тут в горно, где кузнец бросает уже ненужное железо или чё. И кто-то увидел, его сдал с потрохами. И приехали с Усть-Цильмы пристав, жандармы на конях для этого к нему, и его арестовали.

... Его сослали... он где-то... где упал метеорит-то... в Тунгусской-то тайге. Туда его с отсюда — как будто здесь не гибло место, край северный! А его, как будто там ещё хуже, сослали. ... Когда его судили-то, он внёс како-то существенное предложение по защите этих денег от подделки. И его простили... не стали ни расстреливать, ни на каторгу, а его просто сослали к этим охотникам-инородцам всяким. Какие же он рассказывал, как дед говорил? То ли тунгусы, [нрзб] чёрны, эти, живут-то там. И вот он в тайге жил один там, как на выселке. Ему даже давали отпуск. В то время, царское время, отпуск — с каторги приехать, с выселки домой! [А сколько он там просидел?] Он не досидел. В это время Февральска-то революция грязнула, его и отпустили.

ПРЕДВЕСТИЕ ПЕРЕМЕН

«Чё ли будет худо»

Он, этот Костя Егорков... Кстати, он будет жене дальний- дальний этот... как его? Прапрадед. А он попал один там [в охотничье избушке]. И он ночевал. Говорят: утром проснулся — заходят. И никто ещё не знал про этих красноармейцев, задолго до этих раскулачиваний дак. В словах его мы тоже не сомнева-

емсяся. И как в своих дедов словах мы также не можем сомневаться, мы им верим, потому что они всегда говорили: «Почтойно ты врёшь-то?» — если кто-то соврал. Тут же оговаривают, что соврал ты или не соврал. Он [Костя Егорков] говорит: они зашли в длинных шинелях, и эти сабли рячкают по полу, и в этих уборах-то головных — будёнвиках-то. А говорит: и во лбах-то звёзды горят. И говорит: зашли. Он ничё не мог пособить, дак схватил икону, начал молитву творить, и они ушли, исчезли. Да. И он говорит: «Чё ли будет худо». Вот это раскулачивание-то и началось, когда у них всё и начали отбирать. [Так это ему привиделось еще до революции?] Революция уже была. Вам надо знать, что у нас-то коллективизация-то пришла намного позднее. Она же была в тридцать втором или тридцать... когда Россия вся уже была разрушена. А у нас-то же, видишь, как до Бога далеко... это до царя далеко, а до Бога еще дальше, у нас-то. И у нас-то это было пришло поздно.

ГИБЕЛЬ ПРАДЕДА

«Вот так он закончил жизнь»

Моего прямого-то деда Алексея-то Исаковича прямой прадед мой, у моего деда отец — его первы-то бандиты-то, начали красны-то ездить. Они же стреляли, они как охотники были. ... Как раз начался охотничий сезон на борову дичь, осенью. Они были все в лесах, по своим угодьям, а они [красные] у них вскрыли... женщин разогнали, амбары взломали, вынесли [сли] это имущество, начали сапоги да ихние древни рубахи эти новгородски, бекеши на себя надевать, шёлковы, шиты золотом, зипуны да. А они сапоги ихни хромовы ... Новгородские же предки-то, оттуда были, и всё это у них было — поразительно! Грабить их начали, пока их нету.

Мой дед, второй-то, старший брат у деда моёго, он убежал ночью бегом босиком. Чё они начали там творить, эти [красные]... угодья-то их... И предупредил их, чтоб они пришли с ружьями, вооружились и выбили их оттуда ... Пришли с угодий-то мужчины-то, вооружились. Пришли туда, а они ушли в следущу деревню. Тут погуляли, попили. Деревню-то вы... [ограбили] и пошли в другу деревню. ... И они пошли другу деревню пограбить. Там последняя деревня Черногорская, она нынче существует. Дак те-то, наши-то, предупредили тоже, ребёнок какой-то, что вам приедут грабить-то там. И они собрались, и их ниже деревни в узком месте встретили и обстреляли их, и они

не могли ворваться-то там. А те, наши-то охотники, уже пришли, подготовились и их встретили. Выше деревни есть огромный этот вал, щелья, называют у нас еще кёрас — по-нашему. «...» Увал, гора высоченна. Они там все залегли, а те, бандиты-то, у них лошадей забрали, всё... Лошади у них были очень хорошие, строевые. И они на ихних же конях едут, всё сбруи да. Они их начали, открыли по ним огонь. Те ускакали, убили-то одного всего.

И вот этот Алексей Исакович... Они обратно в деревню. Говорят: «Придите, выйдите, и ничё вам не будет», — говорит. Они за деревней там стоят, амбары там, мель, этот... молотилка была, веялки ле — веяли хлеб, суслоны вешали, снопы сушили да. «Придите, — говорит, — вам ничё не будет. Мы, — говорит, — уйдём». А они Алексея-то послали к ним, как чё договор вот произвести. Он пошёл, они его выстрелили, убили сразу. Вот так он закончил жизнь. Вот этот мой прадед.

А у него имущество всё ограбили, ну всех их, всё. Скота — как колхоз. Это буквально забрали не то что, как говорят, скота, а забирали там, ну, сбрую. А у них же буквально даже капканы [забрали]. Видишь, они охотники, ружья — всё, буквально всё забрали. А как сажим-то жить? «...» Так вот тогда-то дед мой сказал. «...» Телёнка-то одного оставили, так он сказал: «Спасибо советской власти». Перекрестился да. А говорит: «А кузницу-то ту тоже нести?» Кузница в огороде стояла, «...» мехи до сих пор все лежат, вздымать когда, ковать железо. А он говорит: «Кузница пусть на месте, а ты будешь работать на колхоз в ней». А потому что кузнец-то был он один. А мать у него жива-то ещё, мать-то жива была, она сказала... Он [дед] говорит: «Я им не дам». Приготовился: оружие, всё. Говорит: «Я их убивать буду тут». А мать-то его уговорила: «Отдай всё. Всё открои, амбары, всё отдай — всё пусть забирают. Они убьют тебя, как отца убили, так же и тебя убьют, и всех нас». Однако. Вот так было...

ДЕД

«Кузнечному роду нет перевода»

А вы бы посмотрели: он [дед] какие капканы делал, какие ловушки! «...» Из железа мог всё: навесы вот для дверей, там ручки и чё возможно сделать человеку. Только что, вишь, тогда уже не нужно было мечи рубить, да он не мог. В сельских кузнях рождались неслыханные открытия! Деньги-то же он ведь там изобрёл.

[Где ваш дед учился кузнечному делу?] Кузнечному роду нет перевода.

Знаете, что случилось-то? Когда отца убили у него, дедку-то Алёшку, он же не успел ему всех секретов-то передать. «...» Сломалась коса, он приехал к нерицкому кузнецу, тут был Егор. Он говорит: «Почёйно приехал тут?» Уже в кузнице. Кузнец же работал с утра и до ночи. Он говорит: «Почёйно приехал?» Он говорит: «У меня, — говорит, — сломалась коса, и надо заварить кузнечной сваркой». Он говорит: «На». Но ведь кузнец никогда не хотел передавать секретов — только своему сыну. Он говорит: «Ты у Алёшки Исакова сын? Я вижу, я знаю тебя», — деду-то моему. Тот говорит: «Да». Он, говорит, еще на несколько частей изломал эту косу и бросил в горнб, говорит: «Вздымай мехи». Ну, дуть-то, дуть воздух-то, чтоб жар-от сильнее был. «Вздымай и смотри». Тот говорит: я вздымал. Он, говорит, это всё собрал, сковал, в одной вытянул, косу отковал, и закалил её, и бросил, и говорит: «Видел, нет?» Тот [дед] говорит: «Сейчас видел, — говорит, — знаю, как сделать». И с тех пор дед сам всё ковал.

ОТЕЦ

«И тогда его назвали Фёдор Павлович»
Лось к нам же пришёл в 43-м году, тогда его [лося] стали бить-то. Вот и случилось-то так. Кстати, опять же на счастье. В деревне же стоял голод тогда. Отец был ребёнком. Он, ну он... Ему лет сколько? Ему было лет 13 или чё. Но он уже охотился. Он увидел, говорит: восемь больших зверей таких идут. Я этих видел только на картинках. У нас не было лосей-то. Если одного зверя добить, то вся деревня может «...» сварить и покушать. Он... а не было пороха, он побежал к этому... один старик-то был живой. Он был кривой на один глаз и хромой, и его на фронт-от не взяли. Он говорит: «Я видел, — говорит, — больших зверей». Говорит: «Константин Егорович, дай мне это-то... пороху. У меня свинец есть, я, — говорит, — добуду». А он говорит: «О, белюшка, ты видел, — говорит, — лосей видел-то». Он «...» описал их, какие рога у них, всё. Он [старик] говорит: «Ты лосей видел». Он побежал тогда. Он говорит: «У меня, парень, у самбго пороху-то нету». Не дал, не дал. А он побежал и старухам сказал, говорит: «Проверьте по этим...» И они давай — сундуки, где у охотников хранился порох, они опрокинули и стали высыпать на газету или на бумагу, порох собирать. Собрали на заряд. Он пулью сам сделал и пошёл. Говорит: «Там были... было восемь этих зверей». И оказалось, что тут уже другие пришли, а он пошёл... И надо выбрать побольше

зверя-то, чтобы мяса-то было больше. Вот так он и... 15 лет или сколько ему было? И тогда его назвали Фёдор Павлович, уже и так и звали.

[То есть вот мальчика уже по отчеству звали?] Ну, да-да-да. Он застрелил этого лося, позвал женщин, они принесли мясо, разделили на всех и это... поели. А то уже некоторые умирали. А так как лосей-то пришло много — а лоси пришли от шума войны с Россией с Центральной, где война была, они от шума пришли сюда. И с того времени у нас лоси-то. А так у нас лосей не было. «...»

Вот он [отец], кстати, стал прототипом «Федькиных угодий» Василия Степановича писателя. «...» Журавлёв-Печорский. «...» Они как бы с отцом-то дружили и учились вместе. И он [отец] оказался прототипом «Федькиных угодий»-то. Федька-то — мой отец. Я — Фёдорович-то. «...»

Вот когда отец-то, он стал кормить людей, лосей бить, он же бесплатно, и люди-то стали хорошо жить. Видишь, голод прекратился. А тогда в колхозе ничего не давали, и один человек на него написал, и отца-то и посадили. И в общем кто написал, кто этим занимался делом, всех Бог наказал: один с ума сошёл, одного из милиции выгнали — повесился, другого — который написал «...» так через год он убил человека, у него ногу — открылась гангрена фронтовая — ногу отрезали. Видишь, он [отец] как бы бескорыстно людям-то помогал, а они сказали, что он деньги... на деньги продаёт-то мясо-то, лосей-то стреляет да, а уже доказать-то ничё не могли. И бабка его — вот посмотрите — Маланья Степановна, мать, сказала. Говорит: «Всех их Бог-от накажет». И так и стало. Тому ногу отрезали, 15 лет дали, в тюрьме ногу отрезали, тех выгнали из милиции, спились — повесился, другой ещё хуже. Так все закончили.

Примечания

¹ Предлагаемые расшифровки аудиозаписей из Усть-Цилемского собрания Фольклорного архива Сыктывкарского государственного педагогического университета — первая публикация материалов по устной традиционной культуре Нерицы.

См. об экспедиции и о с. Нерица информацию на 2-й странице обложки.

Предисловие и публикация

Ю.Н. ИЛЬНОЙ

(канд. филол. наук,
Сыктывкарский гос. ун-т)

Т.С. КАНЕВОЙ

(канд. филол. наук,
Сыктывкарский гос. ун-т)